

DOI: 10.31857/S013038640007618-7

© 2019 г. **А. В. Гладышев**

ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ И ПИСЬМАХ СОЛДАТ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

Рец. на книгу: Н. В. Промыслов. ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О РОССИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016, 254 с.

Гладышев Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

E-mail: Gladav2002@mail.ru

A. V. Gladyshev

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE FRENCH PRESS AND IN THE LETTERS OF THE NAPOLEONIC GREAT ARMY'S SOLDIERS

Rec. ad op.: N. V. Promyslov. The French public opinion about Russia on the eve and during the war of 1812. Moscow: ROSSPEN, 2016, 254 p.

Andrey Gladyshev, Saratov Chernyshevsky State University (Saratov, Russia).

E-mail: Gladav2002@mail.ru

Французы писали о России много, на тему «Россия и русские глазами французов» и в России, и во Франции есть несколько объемистых исследований и диссертаций со своими достоинствами и недостатками. Концепция предзнания «Другого», корректирующегося в ходе непосредственной встречи с этим «Другим», давно стала предметом размышлений различных философов и культурологов. Историки же не столь часто стремятся раскрыть диалектику этнических взаимовосприятий. Тем приятнее приветствовать усилия Н. В. Промыслова, взявшегося за подобную непростую задачу.

Первая часть книги Н. В. Промыслова посвящена французской прессе, вторая — мемуарам (избирательно) и письмам солдат Великой армии Наполеона. Поскольку в заглавии книги вынесено — «общественное мнение», возникает вопрос, можно ли (или в какой степени) считать нарративы солдат выражением общественного мнения? В современной литературе доминирует точка зрения, в соответствии с которой говорить о специфическом феномене «общественного мнения» допустимо начиная с XVIII в. Но при этом в исторической

науке не сформировано единого общепринятого определения этого понятия. Под «общественным мнением» часто понимают отношение той или иной группы (совокупности людей) к какому-то явлению (событию, процессу и т.п.). При этом одни авторы утверждают, что это отношение может быть «как явным, так и скрытым», другие, что только «публично выраженным». Для одних это механическая сумма некоего множества высказываний, для других — органический продукт коммуникации под названием «коллективное суждение». Кто-то ассоциирует общественное мнение с мнением «общества» в целом, кто-то — с отдельным представителем «общественности», а кто-то — только с той или иной его частью.

Оставив в стороне споры, насколько выборы, референдумы, опросы, — все, что призвано отражать общественное мнение, — отражает его (с большой погрешностью или не отражает вовсе), отдадим должное пропаганде как инструменту манипуляций с общественным мнением. Н. В. Промыслов, отследив с 1792 г. основные вехи формирования во Франции целостной системы государственной пропаганды, сделал

два наблюдения. Во-первых, в наполеоновской Франции независимость суждений со стороны журналистов допускалась только в статьях по литературе, искусству и наукам (с. 30). Во-вторых, судя по публикациям в официальной «*Moniteur*», начиная с Тильзитского мира, упоминания о России становятся все реже.

Если судить по публикациям все в той же «*Moniteur*», накануне 1812 г. французские газетчики позволяли себе в отношении России лишь полуфантастические описания природно-климатических особенностей этой далекой и малоизвестной страны (с. 37). Главная газета Франции писала о жизни петербургского двора, о численности населения, строительстве флота, развитии экономики России, о российском Кавказе и Дальнем Востоке и участии России в различных войнах... Какой-то особой «идеологической» подготовки к началу войны с Россией не было, но, по мнению автора, это говорит лишь о том, что французское общество исподволь готовило к будущей войне, реконструируя прежние стереотипы. Читатели должны были прийти к заключению, что война с Россией неизбежна, поэтому воевать с ней лучше сейчас, пока она не набралась сил и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором (с. 53).

Вторжение французской армии в 1812 г. в Россию потребовало кристаллизации негативных представлений о русском мире. Основным источником информации о ходе кампании для французов были все те же центральные парижские газеты, но теперь в них публиковались лишь официальные бюллетени.

Из газет и многостраничных компиляций французы узнавали, что Александр I в плане понимания международной ситуации и государственных интересов России недалеко-виден, русская армия слаба, казахи лошади плохи, кавалерия не знает правил верховой езды, французы помогут русским избавиться от английского влияния, поляки и литовцы готовы оказать Франции массовую поддержку, даже англичане недовольны «варварскими методами» ведения Россией войны, наконец, французы не отступают, а «переходят на зимние квартиры» (с. 78).

Помимо донесений чисто военного характера французская пропаганда не забыла и традиционные для описания России темы: российское социально-политическое устройство и климат. Как подметил Н. В. Промыслов, без упоминаний о погоде в России не обошелся практически ни один бюллетень Великой армии (с. 90). Французским солдатам мешали то сильная жара, то необыкновенная грязь, то неожиданные морозы. В бюллетене от

3 декабря 1812 г. сообщалось, что начавшиеся месяц назад морозы «вдруг усилились», лошади умирали тысячами, поэтому армия лишилась кавалерии, артиллерии, обозов.

Конечно, пропаганда оказывала влияние и на мемуары, и на личную переписку военных наполеоновской армии, но, как полагает автор, «общий эмоциональный фон описаний является авторской картиной событий» (с. 134). При этом Н. В. Промыслов четко отличает характеристики мемуарных и эпистолярных источников. Несколько сотен мемуаров, в которых рассказывается более или менее подробно о кампании 1812 г., в большинстве случаев принадлежат офицерам, но некоторые написаны и рядовыми: о России в 1812 г. вспоминали и маршалы, и серванты.

Что касается солдатских писем как формы выражения общественного мнения, то тут требуются некоторые пояснения. Во Франции начала XIX в. еще было распространено коллективное чтение писем. Их читали вслух в кругу семьи, знакомых или односельчан. Фактически это был альтернативный официальной пропаганде источник информации. Французы в те времена, имея в виду наполеоновскую печатную продукцию, любили выражаться «врет, как бюллетень»; частные же письма, предполагалось, были свободны от преднамеренной пропаганды.

В частной переписке писали не столько о военных маневрах и стратегических замыслах, сколько о повседневной жизни, о сослуживцах, о насущных проблемах: самочувствии, питании, условиях ночлега, состоянии собственного гардероба, о личных финансовых и семейных делах и даже об увлечениях. Некоторые не забывали подать прошение императору о предоставлении сыну бесплатного места в лицее или дать наставления ученику (с. 125–126).

Конечно, авторы писем понимали, что их корреспонденция может быть проверена полицией, да и родственников хотелось успокоить, поэтому твердили: «у меня все хорошо». Письма могли перлюстрироваться, в них жалоб содержится гораздо меньше, чем в мемуарах.

Мемуаристы же словно соревновались в жалобах на тяготы, связанные с походом. Н. В. Промыслов значительное внимание уделил пересказу стенаний французов на свое материальное и физическое состояние. Пожалуй, самая распространенная у мемуаристов тема — пропитание. Французы бесконечно жаловались на голод или плохое качество пищи и непременно пересказывали истории о съеденных лошадях, кошках, а иногда и людях. Упоминались и картофелины размером с грецкий орех, и краюхи черного, как уголь,

хлеба, замешанного с мякиной и соломой в палец длиной и зернами ржи (с. 137).

Примерно так же часто, как тема питания, в переписке участников похода обсуждался ночлег. То французы восхищались богатством помещичьих усадеб, то удивлялись бедности крестьянских жилищ (с. 221). Снабжение армии путем закупок провианта и фуража у населения было невозможно, отсюда и мародерство как по отношению к местному населению, так и по отношению к своим же товарищам по оружию. Цивилизованные французы из-за российских условий сами стали превращаться в варваров. При этом мало кто из участников похода задумывался о роли интендантских служб в неудовлетворительном снабжении продуктами, фуражом и теплыми вещами.

Эти сетования и жалобы можно было бы оставить без внимания. Но отрицательные эмоции в воспоминаниях французских участников кампании 1812 г. будут прочно ассоциироваться с Россией и русским миром: «В результате для читателя переживаемые армией лишения становились частью образа России, что только дополняло представление о ее цивилизационной отсталости» (с. 180).

Даже военные действия русские вели на манер варваров, активно используя казаков и крестьян. Наполеоновские бюллетени твердили о трусости казаков, в то время как для многих солдат казаки стали настоящим кошмаром. На них жаловались и нижние чины, и французские генералы.

Что касается народов Российской империи, то потенциальные союзники — поляки и литовцы — не оправдали возлагаемых на них французами надежд, жадные и склонные к обману евреи достойны лишь презрения. «Мужики» — едва ли не отдельный «народ» — наиболее невежественная, грубая и варварская часть российского общества, неуважающая закон, а понимающая лишь кнут да палку, а помещики чаще всего — лишь пародия на вельмож XVIII в.

Не соответствует французским представлениям о цивилизованности и религиозность русского народа, принимаемая за варварство. Никто в Европе, кажется, не возмущался так, как в России, что французы используют церкви под конюшни. Но в 1814 г. французы, для которых религия, казалось бы, не имела уже большого значения, будут обвинять в том же самое казаков. Н. В. Промыслов отмечает, что и мемуары, и письма испытали на себе сильное влияние стереотипов, сложившихся во французском общественном мнении еще к началу войны: «частная корреспонденция вольно или невольно подтверждала многие установки

официальной пропаганды, способствуя укреплению в общественном мнении Франции и Европы в целом образа России как отсталой и нецивилизованной страны» (с. 199).

Представления о географии России у большинства французов оставались весьма приблизительными, впрочем, как и представления о географии других неевропейских стран. Некоторые участники похода в Россию вообще думали, что идут в конечном счете в Индию. Архетипы восприятия русских как «северного народа» не исчезли, но под влиянием наполеоновской пропаганды стрелки компаса сместились на восток, с которым и должна была ассоциироваться угроза варваризации Европы (с. 279).

Участники похода в частных письмах от конца сентября выражали удивление инеем и снегу, а с начала ноября жалобы на холод становятся всеобщими. Французские обыватели удивлялись, как в начале ноября реки в России можно было перейти по льду. Так укреплялась «климатическая» теория поражения Великой армии, обозначенная уже в 28–29 бюллетенях Великой армии: победить стихию не в силах даже гений Наполеона (с. 286).

«Цивилизованные» французы вынуждены сражаться в России не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (жарой, морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также преодолевать огромные и пустынные пространства (с. 293). Это не просто кампания, это — эпос, достойный пера нового Гомера.

Н. В. Промыслов подчеркивает: у французов «в описаниях России и российского населения в письмах и сочинениях мемуарного характера преобладали стереотипные трактовки и литературные клише, выработанные в сочинениях прошлых эпох» (с. 301). Такой подход оставляет за рамками попытки выделить уровни восприятия «Другого», отделить архетипы, стереотипы и отрефлексированные мнения, что можно было бы сделать, обратившись к мемуарам. Тем не менее книга выводит читателя на размышления над рядом новых вопросов: о путях формирования образа (насколько в той или иной стране, в тех или иных конкретно-исторических условиях отдельные личности стремятся сформировать общественное мнение или же соответствовать ему), об имперском массовом сознании, о роли стереотипа в преодолении психологической травмы и т.д. Книга получилась интересная, ее можно рекомендовать всем, кто интересуется феноменом «общественного мнения».